

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
главный научный сотрудникИнститут языкознания РАН (Москва, Российская Феде-
рация)

v-alpatov@ivran.ru

ФОРТУНАТОВСКАЯ ШКОЛА В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ф. Ф. Фортунатов был профессором Московского университета в 1876–1902 годах и основателем Московской лингвистической школы. Это время известно как период позитивизма и исторической лингвистики. Фортунатов находился под их влиянием, его идеи были близки немецкой школе младограмматиков. Однако он занимался и синхронной лингвистикой, особенно в области теории грамматики на основе морфологического подхода. У Фортунатова было много учеников, и традиции его школы существуют до сих пор. История формирования этих традиций и место ученого в развитии отечественной науки изучены недостаточно, а многие его идеи остаются актуальными. В статье впервые всесторонне рассматривается вклад ученого, сходства и различия его взглядов в сравнении с воззрениями предшественников и коллег.

Ключевые слова: Фортунатов, Московский университет, Московская школа, позитивизм, младограмматики, теория грамматики, морфологический подход, традиции

Для цитирования: Алпатов В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

Филипп Федорович Фортунатов был ведущим языковедом из числа тех, кто работал в Московском университете с 1870-х до начала 1900-х годов (точнее, в 1876–1902 годах). Он не был основоположником московского научного языкознания, до него в Московском университете читали разнообразные лингвистические курсы и работали видные ученые, достаточно назвать Ф. И. Буслаева, но Московскую школу, как единодушно признано, создал именно Фортунатов с самого начала своего преподавания в 1876 году. Причин здесь, видимо, было две, о чем я уже писал [1: 12]. Во-первых, если Ф. И. Буслаев был ученым книжного склада и известен прежде всего своими печатными трудами, то Фортунатов – выдающимся лектором, не так много писавшим чисто научные работы, но реализовавшимся в курсах для студентов. Сейчас о нем мы можем судить главным образом по изданным посмертно в разное время курсам лекций, а при жизни его идеи узнавали через живое общение. Во-вторых, в то время шел процесс научной специализации, и если его предшественники П. Я. Петров и Ф. И. Буслаев занимались не только языкознанием, то Филипп Федорович был сосредоточен на лингвистических проблемах, которых было много. Он был ученым широких интересов и занимался многим из того, что входило в круг интересов тогдашней лингвистики, кро-

ме разве что экспериментальной фонетики и чисто филологического анализа письменных памятников. Но и здесь он подготовил учеников: А. И. Томсон был фонетистом, а А. А. Шахматов не только лингвистом, но и филологом. Отмечу, что Фортунатов в отличие от ряда современников последовательно разграничивал языковедение и филологию, указывая, что они соприкасаются друг с другом, но имеют разные задачи [10: 26–27].

Годы, когда работал Фортунатов, в мировой науке о языке принадлежали к эпохе позитивизма, когда самостоятельный сбор фактов ценился выше, чем построение теорий, а языкознание понималось как прежде всего историческая наука. Такие взгляды, безусловно, повлияли на Фортунатова. Он много занимался индоевропеистикой в различных аспектах, и его работы получили мировое признание. Например, А. Мейе в книге «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»¹ неоднократно упоминает имя Фортунатова (больше, чем кого-либо другого из русских лингвистов) и дает ему высокую оценку. В то же время Фортунатов выходил за рамки господствовавшей научной парадигмы, обращаясь к синхронным и типологическим проблемам. Из четырех его изданных курсов три посвящены обычным для его времени вопросам сравнительно-исторического языкознания. Однако его итоговый

курс «Сравнительное языковедение» [10: 23–197], прочитанный в последний его учебный год в Московском университете (1901/02), затрагивает более широкий круг проблем. В нем ученый занимается отнюдь не только сравнительным языковедением. Он лишь кратко дает генеалогическую классификацию языков в обычном для того времени виде (много об индоевропейских языках и мало данных обо всем остальном) и объясняет ее принципы, а основная часть курса посвящена не столько сравнению языков, сколько выявлению их общих свойств. Тут мы видим, на первый взгляд, несколько парадоксальную ситуацию: хотя в соответствии с нормами науки своего времени говорится, что предмет языковедения – «вообще человеческий язык в его истории» [10: 23], но за пределами описания проблемы языкового родства ни о какой истории речь не идет. И это не только у него, но и, например, у Г. Пауля. Сравнительно-историческое языкознание после А. Шлейхера (к которому Фортунатов отнесся достаточно критически) совсем не интересовалось теорией языка и сосредоточилось на конкретных реконструкциях. Теоретическое изучение процесса языковых изменений, в то время интересовавшее ряд ученых, в том числе и в России (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский), не нашло у него отражения, как и у младограмматиков, к которым Фортунатов был во многом близок. Большая часть данного курса подходит к языку с точки зрения синхронии, а если воспользоваться разграничением В. Брэндала, ахронии. Замечу, что в предисловии М. Н. Петерсона среди проблем, затрагивавшихся ученым в курсах, упомянуто происхождение языка [7: 6]. К сожалению, не все из дошедших до нас курсов Фортунатова опубликованы, но в курсе, о котором сейчас идет речь, происхождение языка не обсуждается. В то время этот вопрос выходил из числа актуальных.

Показательно, что, говоря о фонетике, Филипп Федорович еще использует материал разных индоевропейских языков от немецкого до санскрита; в то же время, перейдя к грамматике и языковым значениям, он в большинстве случаев ограничивается русскими примерами. Он в этом отношении был не первым и не последним: ср. сосредоточение на английском материале у генеративистов. С одной стороны, об общих свойствах языка всегда удобно говорить, приводя примеры на полностью известном лектору и слушателям языке, но, с другой стороны, при этом легко принять его типологические особенности за общие свойства любых языков. Так произошло

и с Фортунатовым, причем в наиболее новаторской части его курса – учении о языковой форме, которое трудно применимо, скажем, к китайскому языку. Но, разумеется, для своего времени идеи Фортунатова были передним краем науки.

Многое среди теоретических идей Филиппа Федоровича было сходно с идеями младограмматиков, особенно главного их теоретика – Г. Пауля. «Извлечения» из его публикаций в хрестоматии В. А. Звегинцева не производят впечатления особенно оригинальных по сравнению с аналогичными фрагментами из работ основателей конкурировавшей школы – И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Но и в них было немало важного для развития науки, что отмечал, в частности, Р. Якобсон, который указывал на слова Фортунатова о «человеческом языке вообще» как предмете языковедения.

Якобсон писал:

«Московская лингвистическая школа, верная заветам своего основоположника Филиппа Федоровича Фортунатова, была и остается призвана осознать, обосновать и развить его учение о том, что язык – не одна лишь “внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли” и не только “средство для выражения готовых мыслей”, а прежде всего “орудие для мышления”, то есть, как отвлеченно уточняет Ф. Ф. Ф., “явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли”, и сам язык, “когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении”» [11: 7].

Согласно программному тезису фортунатовского *Общего курса*,

«предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории. Соответственно с неизменно своевременными напутствиями отдела, озаглавленного *Значение звуковой стороны в языке*, необходимо “уяснить себе, что не только язык зависит от мышления, но что и мышление, в свою очередь, зависит от языка”»,

и, в частности, «надо понять, что звуки речи в словах являются для нашего мышления знаками», а именно «знаками того, что непосредственно вовсе не может быть представлено в мышлении» (см. [10: 120]). «Сейчас все полнее воспринимается и все живее захватывает мудрая простота этих увесистых, чарующе угловатых строк, строго поровну воздающих должное языку и мысли в их многообразном сопряжении» [11: 6–7] (см. также [11: 316]).

Но еще более существенными для того времени были подходы Фортунатова к мало разрабатывавшейся в то время теории грамматики, прежде всего, на русском материале. В качестве основных единиц языка Фортунатов выделял слова,

причем в его попытках определить, что такое слово, уже видны зачатки идей, с которыми впоследствии выступил ученик его учеников А. И. Смирницкий: критерий остаточной выделенности, разграничение словоформы и лексемы. Но интересовало Фортунатова прежде всего не деление текста на слова (оно предполагалось известным), а определение свойств уже выделенных единиц. Главным здесь было впервые разработанное ученым понятие формы слова:

«Отдельные полные слова могут иметь формы, а так как учение о всяких формах образует тот раздел языковедения, который называется грамматикой, то потому формы языка представляют собой так называемые грамматические формы языка» [10: 136].

Итак, грамматика – это учение о формах языка, а «обычным способом образования форм в отдельных полных словах» признается аффиксация [10: 140]. Упомянуты также редупликация и внутренняя флексия; это одно из немногих мест в грамматической части, где приводятся примеры из других индоевропейских языков: видимо, показалось, что в русском языке такой материал недостаточен. И лишь много дальше [10: 178–179] упомянуты «составные», то есть аналитические формы слов, а порядок слов как грамматическое средство не упомянут.

Как пишет М. Н. Петерсон, «форму Фортунатов видит лишь там, где она имеет формальное выражение» [7: 13]. Это отличало его и его последователей от более склонных к семантическому анализу А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Московскую школу ее противники называли «формальной», поскольку ей, начиная с Фортунатова, было свойственно рассматривать свой объект на основе языковых форм, разумеется, с учетом значения, но без использования его в качестве единственного критерия. Как впоследствии отметит М. В. Панов, ученый стремился «изучать язык в его внутренней сути, не пытаясь эту суть растворить в сопредельных науках или извлечь эту суть из внеязыковых областей» [5: 16]. Безусловно, и для русского языка, и для древних индоевропейских языков строго морфологический подход давал по сравнению с другими концепциями наиболее четкий и проверяемый результат. Однако он оказался недостаточно универсальным и плохо применимым к аналитическим языкам вроде английского или китайского. Тем не менее учение о форме слова было значительным вкладом в теорию морфологии. В синтаксисе Филипп Федорович, как отмечал Петерсон, был мало оригинален [7: 14].

Типология в это время была вне научных интересов большинства ученых: классическая морфологическая классификация языков ассоциировалась с потерявшей популярность стадильной теорией, а новый взлет типологии, начавшийся с Э. Сепира, был еще впереди. Однако типологические курсы Фортунатова были оригинальны и содержали важные идеи, хотя до сих пор не все из им сделанного опубликовано. Им посвящено специальное историографическое исследование [6], а также эти идеи кратко изложены в известном учебнике [8].

Увлекавшийся математикой Фортунатов стремился внедрить в науку о языке математическую строгость мышления. Об этом писали его ученики², а М. Н. Петерсон подчеркивает «предельную сжатость его изложения при большом обилии мыслей» [7: 6]. Возможно, именно по этой причине он так и не издал свои курсы лекций, считая их недостаточно строгими (один из курсов он начал печатать, но затем остановил издание). Это естественно открывало путь к структурализму. И недаром его значение подчеркивали не только советские представители Московской школы, но и вышеупомянутый Якобсон. Не без гордости он вспоминал потом: «“Бронированными москвичами” называли нас наши петербургские сотоварищи» [3: 6].

Как известно, Филипп Федорович был первым из языковедов Московского университета, кто смог создать научную школу. «Неизменно к Московской школе... относят Ф. Ф. Фортунатова и его непосредственных учеников (впрочем... не всех)» [1: 11]. Московская школа прочно ассоциируется с Фортунатовым. Характерна ошибка М. М. Бахтина. В его беседах с В. Д. Духакиным зашла речь об этой школе, и Бахтин спросил собеседника: «Вы ученик Фортунатова?» [2: 59]. Но когда Филипп Федорович умер, Духакину было пять лет. Однако когда последний отнес себя к Московской школе, у Бахтина сразу возникла такая ассоциация.

Школа Фортунатова состояла из его учеников разного времени. При этом видна грань между двумя поколениями этих учеников. Старшими учениками, родившимися с 1859 по 1864 год, были А. И. Томсон, Г. К. Ульянов, А. А. Шахматов, как позже рассказывал П. С. Кузнецову Томсон, они дружили и были тесно связаны [4: 212]. К младшему поколению принадлежали родившиеся в 1870-е годы В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский (последний, кажется, уже непосредственно не учился у Фортунатова, прекратившего преподавание в 1902 году, но воспитан в тех же традициях).

Позже Р. Якобсон называл Пешковского «выдающимся лингвистом школы Фортунатова» [9: 134].

Два поколения значительно отличались по научным подходам. Старшие его ученики, особенно Томсон и Ульянов, были последовательными позитивистами. Это появлялось даже не столько в выборе тем: Томсон был одним из первых русских языковедов, обращавшихся к экспериментальной фонетике; в период господства исторического подхода это была, по сути, всеми признанная область синхронии. Но принципы позитивизма этот ученый выдерживал последовательно. Кузнецову он уже в 1930-е годы говорил, что «учение о фонеме для языкознания не нужно, и что, если и имеет право на существование, то относится к психологии» [4: 212]. А в письме к Б. М. Ляпунову (печатно в советское время так выступать было нельзя) он обвинял Н. Трубецкого и других представителей новой парадигмы в «слабосилии», «игре-рассуждениях без истории» и неумении «преодолевать подготовительную работу по изучению накопившихся данных по истории языков» (цит. по [9: 175]). И в другом письме:

«Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту не с чужих слов» [9: 153].

Особое место занимал А. А. Шахматов, более склонный к «рассуждению об общих вопросах», но он, особенно после переезда в Петербург, все больше отходил от своего учителя и создавал собственную школу.

Хранителями традиций, заложенных Фортунатовым, оказались его младшие ученики, особенно велика была роль М. Н. Петерсона, в течение более сорока лет передававшего эти традиции следующим поколениям; он уже в 1950-х годах издал теоретический курс Филиппа Федоровича. Их деятельность пришлась на период, когда лингвистика все больше отходила от позитивизма. После Первой мировой войны в лингвистике многих стран произошел перенос центра внимания с компаративистики и исторического языкознания на синхронные исследования, что только способствовало тому, что и в этот период идеи Фортунатова оказались востребованы. Тогда уже получил распространение структурализм, которого еще не было при Филиппе Федоровиче («Курс» Ф. де Соссюра в Женеве был прочитан еще при его жизни, но его первое издание вышло через два года после смерти Фортунатова).

Но поколение младших учеников Филиппа Федоровича было переходным. Они во многом уже создавали новые традиции. Если у самого Фортунатова преобладали исторические исследования, то Пешковский, Ушаков, Петерсон и в меньшей степени Дурново в основном занимались современным языком. Многие черты лингвистического структурализма сложились в Московской школе либо у самого ее основателя, либо у его учеников еще до знакомства с «Курсом» Соссюра. У них не было лишь законченной теории, которую, прежде всего в области фонологии, выработало уже четвертое поколение Московской школы: Н. Трубецкой, Р. Якобсон, Н. Ф. Яковлев; они соединили идеи Московской школы с понятием фонемы, введенным конкурировавшей Петербургской школой И. А. Бодуэна де Куртенэ. Эту разработку продолжило пятое поколение: В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов.

При этом Фортунатов повлиял на своих учеников и последователей не столько в области компаративистики или фонетики, сколько работами по теории грамматики и отчасти типологии (А. А. Реформатский). Любопытно, что почти все его последователи меньше занимались синтаксисом. Некоторым исключением, правда, был М. Н. Петерсон: «Логическим развитием идей Фортунатовской школы был семинарий М. Н. Петерсона» по русскому синтаксису [12: 175]. В период, когда в лингвистике в цене была строгость метода, в СССР последователи Фортунатова оказались к этому наиболее подготовленными. В Московском университете традиции ученого продолжали жить, пропагандистами его учения долгое время были Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон, а позже П. С. Кузнецов, который постоянно говорил студентам, что было три основоположника лингвистики XX века: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и Ф. Ф. Фортунатов.

К 1950-м годам Московская школа уже не составляла того единства, которое было когда-то. Количество языковедов увеличивалось, возникали разные ответвления школы. Не было уже такого бесспорного лидера, которым был Фортунатов, а затем до некоторой степени Д. Н. Ушаков. В то же время многие лингвисты других школ и направлений переехали к тому времени в Москву, границы школы становились все более размытыми. И тем не менее традиции, заложенные Фортунатовым, продолжают и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 463.

² Поржезинский В. К. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог. М., 1914. С. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Что такое Московская лингвистическая школа? // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 2. С. 11–34.
2. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Новости, 1996. 344 с.
3. Иванов В. В. Лингвистический путь Романа Jakobson // Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 5–29.
4. Кузнецов П. С. Воспоминания // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 1. С. 155–250.
5. Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Ушаков Д. Н. Русский язык. М.: Просвещение, 1995. С. 8–40.
6. Перельмутер И. С. Труды Ф. Ф. Fortunatova по типологии. АКД. М.: МГУ, 1989. 23 с.
7. Петерсон М. Н. Академик Ф. Ф. Fortunatov // Fortunatov F. F. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. С. 5–16.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 275 с.
9. Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
10. Fortunatov F. F. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.
11. Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
12. Jakobson R. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

Поступила в редакцию 02.07.2020

Vladimir M. Alpatov, Doctor of Philology, Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
v-alpatov@ivran.ru

FORTUNATOV'S SCHOOL OF RUSSIAN LINGUISTICS

F. F. Fortunatov was the professor of the Moscow University from 1876 to 1902 and the founder of the Moscow linguistic school. This time was the period of the positivist philosophy and the historical linguistics. Fortunatov was influenced by them, and his ideas were close to the German school of the Neogrammarians. However, he also studied synchronic linguistics, especially the theory of grammar through the morphological approach. Fortunatov had many disciples, many of his ideas are still relevant, and some traditions of his school have been preserved until now. However, the evolution of these traditions and Fortunatov's role in the development of modern language science have not been sufficiently studied. This paper is the first of its kind to comprehensively explore his contribution and legacy, as well as Fortunatov's similarities to and differences from his predecessors and colleagues.

Keywords: Fortunatov, Moscow University, Moscow school, positivism, Neogrammarians, theory of grammar, morphological approach, traditions

Cite this article as: Alpatov V. M. Fortunatov's school of Russian linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

REFERENCES

1. Alpatov V. M. What is the Moscow linguistic school? *Moscow Linguistic Journal*. 2001. Vol. 5. No 2. P. 11–34. (In Russ.)
2. Conversations between V. D. Duvakin and M. M. Bakhtin. Moscow, 1996. 344 p. (In Russ.)
3. Ivanov V. V. The linguistic path of Roman Jakobson. *Jakobson R. Selected works*. Moscow, 1985. P. 5–29. (In Russ.)
4. Kuznetsov P. S. Memories. *Moscow Linguistic Journal*. 2003. Vol. 7. No 1. P. 155–250. (In Russ.)
5. Panov M. V. Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and work. *Ushakov D. N. Russian language*. Moscow, 1995. P. 8–40. (In Russ.)
6. Perelmuter I. S. F. F. Fortunatov's works on typology. Moscow, 1989. 23 p. (In Russ.)
7. Peterson M. N. Academician F. F. Fortunatov. *Fortunatov F. F. Selected Works*. Vol. 1. Moscow, 1956. P. 5–16. (In Russ.)
8. Reformatskiy A. A. Introduction to linguistics. Moscow, 1967. 275 p. (In Russ.)
9. Robinson M. A. The fates of the academic elite members: Russian Slavonic studies (1917 – early 1930s). Moscow, 2004. 432 p. (In Russ.)
10. Fortunatov F. F. Selected works. Vol. 1. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
11. Jakobson R. Selected works. Moscow, 1985. 460 p. (In Russ.)
12. Jakobson R. General study of cases. General meaning of the Russian case. *Jakobson R. Selected works*. Moscow, 1985. P. 133–175. (In Russ.)

Received: 2 July, 2020